

Леонов Андрей Сергеевич — аспирант кафедры европейского и международного права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

E-mail: andrei_leonov@yahoo.fr

Государственный суверенитет и права человека: проблема совместимости и взаимного влияния (теоретико-прикладной аспект)

В статье анализируется эволюция понятия **государственного суверенитета** в контексте глобализации международного сообщества и влияния идеи **прав человека** на трансформацию понимания суверенитета в традициях **Вестфальской системы**. Рассматривается проблема **вмешательства во внутренние дела государства** с гуманитарными целями, исследуется вопрос о **принципе универсальности прав человека** в теоретическом и прикладном аспекте.

The article analyzes evolution of the concept of **state sovereignty** in the context of globalisation, as well as the impact of the concept of **human rights** on alteration of the **Westphalian** understanding of sovereignty. It also deals with the issue of **intervention in the internal affairs of the states** to assure protection of human rights and analyzes **the principle of universality of human rights** from both theoretical and applied perspectives.

В современных демократических государствах права человека воспринимаются обществом как высшая ценность, приоритет которой не ставится под сомнение. Однако в ряде регионов планеты права человека до сегодняшнего дня продолжают оставаться объектом серьезных и подчас массовых нарушений. В связи с этим обеспечение их соблюдения не перестает быть актуальной проблемой, затрагивающей, прежде всего, вопрос государственного суверенитета в контексте допустимого и оправданного вмешательства государства во внутренние дела другого государства в целях обеспечения защиты нарушаемых прав человека. Особое внимание представителей теории права и международного права к концепту государственного суверенитета связано с неизбежностью восприятия последствий глобализации мирового сообщества, трансформации государства (и, следовательно, суверенитета как одного из самых существенных его атрибутов) в качестве главного субъекта международных правоотношений и мировой политики. Взгляды на государственный суверенитет подчас являются прямо противоположными: одни сводятся к утверждению об исчезновении этого понятия как такового, другие — к отрицанию каких-либо существенных изменений его содержания и смысла¹.

Проблема вмешательства в целях обеспечения защиты прав человека связана также с субъективностью определения термина «права человека» в данном контексте. Они могут трактоваться по-разному, например, как «права, которыми обладает индивид в силу своей человеческой природы»². Однако в рамках настоящей статьи было бы целесообразно использовать определение прав человека, данное во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, согласно которой «все люди рождаются свободны-

ми и равными в своем достоинстве и правах <...> без какого бы то ни было различия, как то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения <...> политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете». Это определение, вероятно, является наиболее прагматичным, поскольку, во-первых, опущение какого-либо из названных критериев могло бы означать ненаказуемость отдельных нарушений прав человека, а во-вторых, в нем содержится некоторый вызов самому понятию государственного суверенитета. И если принципы, лежащие в основе понятия суверенитета, такие как невмешательство и права человека, на первый взгляд, могут казаться взаимодополняющими, то суверенитет как результат их теоретического обоснования явно препятствует практической реализации и развитию прав человека.

Вообще суверенитет понимается как полновластие государства внутри страны и независимость вовне, при этом точность такой формулировки вполне относительна³. В определенных исторических контекстах государственный суверенитет рассматривался как инструмент поддержания и обеспечения мира, что во многом помешало радикальному пересмотру самого понимания суверенитета⁴. Единственным возможным обоснованием сдержанности государств в вопросе о вмешательстве во внутренние дела друг друга могла быть лишь ситуация, которая и породила представление о государственном суверенитете. В сущности, его

появление было напрямую связано с Вестфальским миром, положившим конец Тридцатилетней войне в Европе. До подписания Вестфальского договора, который стал первым формальным признанием государственного суверенитета, вмешательство во внутренние дела государств считалось нормой. Попытка ограничить разорительные войны и привела в итоге к осознанию суверенной природы государства. Участники Вестфальского договора полагают, что признание государственного суверенитета станет средством достижения и поддержания мира путем создания «территориальных государств», способных самостоятельно контролировать свои внутренние дела. Как отмечает Стефан Крэзнер, «Вестфальский суверенитет <...> опирается на полную автономию национальной власти, а значит на отсутствие всякого внешнего влияния»⁵.

Итак, принцип государственного суверенитета основывается на невмешательстве во внутренние дела государства как оптимальной политической модели поддержания и обеспечения мира в международном сообществе. Однако, если данное утверждение вполне справедливо в контексте XVII века, то с появлением договорных норм о правах человека оно как минимум требует переосмысления. Речь, прежде всего, идет о таких фундаментальных актах, как Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, международных пактах о правах человека. Вестфальское понимание суверенитета, очевидно, не соотносится с концепцией прав человека, отраженной в указанных документах. А значит, продолжающиеся нарушения прав человека оправдываются ссылками на внутренний суверенитет, невозможность вмешательства во внутренние дела государства, а реакция на такие действия ограничивается экономическими и политическими санкциями⁶. Очевидно, такие действия неизбежно обостряют и без того порой натянутые отношения между государствами. Наконец, здесь проявляется собственно теоретический парадокс: в то время, когда уважение государственного суверенитета способствует стабильности мирового сообщества, оно же само подрывает основы идеи прав человека. Определяя, что государства не могут становиться объектом «внешнего влияния» как со стороны других государств, так и со стороны международных организаций, Вестфальская концепция суверенитета ограничивает тем самым возможность государства защищать права человека за пределами своих суверенных границ⁷. Примером этому могут служить вооруженные операции на территории Чеченской республики в 90-е годы. На фоне проводимых силовых мероприятий по уничтожению боевиков, Россия многократно нарушала фундаментальные права человека на этой территории, о чем свидетельствует статистика организации «Международная Амнистия» и практика Европейского суда по правам человека. Однако действия России, откровенно нарушавшие стандарты ООН и Европейской конвенции о защите прав челове-

ка и основных свобод, не вызвали, например, серьезной реакции Европейского союза, от которого многие ожидали значительного вмешательства в этот конфликт⁸. Согласно распространенному мнению, такая позиция ЕС была оправдана политическими мотивами, в частности, стремлением Союза к усилению стратегического партнерства с Россией⁹. В итоге налицо проявление противоречия между теоретическим основанием суверенитета и защитой прав человека. Проявив уважение к внутреннему суверенитету России, Европейский союз сумел избежать негативных экономических и дипломатических последствий. Однако можно ли считать такую политику невмешательства абсолютно оправданной, если в результате происходят неконтролируемые нарушения основных прав человека? В подобной ситуации уважение государственного суверенитета и соблюдение прав человека становятся в конкурирующие позиции¹⁰.

Генезис концепции государственного суверенитета происходил, в частности, под влиянием революций конца XVIII века в Америке и во Франции, поставивших во главу угла права и свободы человека. Вторая половина XX столетия внесла свои коррективы с приходом глобализации, права человека получили универсальное закрепление, а их соблюдение стало обязанностью государства в силу международных договоров¹¹. В последние десятилетия защита прав человека превратилась в обычную практику демократических государств, закрепившись среди их основных целей. В прошлом эта позиция была отдана идее суверенитета. Ее хронологическое преимущество над идеей прав человека четко прослеживается в поведении государств и по сей день, что свидетельствует о существенном влиянии Вестфальских принципов суверенитета. Характер восприятия государственного суверенитета, расстановки приоритетов в его взаимосвязи с идеей прав человека отражается, в частности, в практике миротворческих операций ООН. Условием их проведения является согласие заинтересованного государства, а это свидетельствует о том, что требование соблюдения и защиты прав человека преодолевается необходимостью уважения государственного суверенитета.

Прецедент, связанный с геноцидом в Руанде, является ярким примером того, как принцип уважения суверенитета может являться сдерживающим фактором при попытках внешнего вмешательства. Даже США, имея печальный опыт вмешательства в Сомали, после распространения информации о многочисленных и массовых актах геноцида на территории Руанды, сочли целесообразным не вмешиваться в конфликт, ограничившись отзывом своих дипломатических представителей. Более того, международное сообщество в целом сдержанно относилось к вмешательству ООН в этот конфликт, в результате чего с трудом развернутые операции ООН на территории Руанды не привели к значительным изменениям ситуации¹². Показательным фактом в этой ситуации стал отзыв Бельгией существенной части миротворческого контингента, что привело к ослаблению сил

ООН и, в сущности, к неэффективности всех мероприятий. Бельгийская позиция в данном деле, равно как и сам руандский прецедент свидетельствуют о том, что, несмотря на всеобщую поддержку идеи о верховенстве прав человека, государства относятся крайне сдержанно к любому вмешательству во внутренние дела друг друга, даже если это касается ситуаций грубейших нарушений прав человека.

Итак, идея суверенитета во многом определяет восприятие прав человека и отношение к их нарушению. Объем и характер прав человека в конкретном государстве определяется в конечном счете природой государств, а сама эта природа является производным от социального и экономического строя. И не только объем прав, но и их сущность в государствах с различными социальными системами различны¹³. Рассмотрим эту ситуацию в плоскости иных ценностей, свойственных так называемым «незападным» государствам с недемократическим режимом, либо государствам, не являющимся светскими. Немногие из тех, кто являются представителями государств либеральной демократии, станут оспаривать незыблемость запрета дискриминации на основании расовой, половой, языковой или религиозной принадлежности. Однако что если государство допускает это, либо вовсе возводит в ранг обязательной нормы? Основной тезис, на котором основываются демократические режимы, особенно в отношении гражданских прав, заключается в том, что убеждения, взгляды и поступки человека определяются им самим и не могут регулироваться никем до тех пор, пока они не ущемляют права других лиц. Как справедливо отмечено, «пока поведение индивида не затрагивает ничьих интересов, кроме его собственных, он должен обладать свободой собственных действий»¹⁴. Основные права, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека и воспринимаемые в качестве универсальных стандартов, отражают, в сущности, либеральную позицию¹⁵. Право на свободу от дискриминации по известным основаниям выглядит как право на «культурный релятивизм»¹⁶. Возникает вопрос о том, могут ли демократические государства запрещать на международном уровне то, что они допускают на национальном уровне. Наиболее ярко этот диссонанс между либеральной идеей прав человека и национальными культурными традициями наблюдается в государствах исламского мира.

В большинстве мусульманских государств, вне зависимости от степени умеренности религиозных взглядов, ценности в области прав человека во многом отличны от либеральных. В частности, будучи в сущности патриархальными, они осуждают любые сексуальные связи до и вне брака, выбор иной религии, кроме Ислама, ограничивают гендерное равенство. Несмотря на то, что представителями либерально-демократических стран такие правила даже в умеренном проявлении могут показаться архаичными и фундаменталистскими, это не означает, что подобные взгляды могут претендовать на объективность и справедливость. Напротив, рас-

пространение идеи универсальности прав человека воспринимается «незападными» странами как форма «нравственного империализма Запада»¹⁷. В то время как либеральная идея прав человека отсылает нас к гуманистическому понятию самореализации, международным договорам о правах человека или концепции «естественного состояния» индивида, исламские государства апеллируют к культурному релятивизму и писанию Корана. Кроме того, последние могут ссылаться еще на один беспроегрешный аргумент, способный перекрыть все вышеупомянутые — это государственный суверенитет. В отсутствие каких-либо объективных, абсолютных нравственных ценностей ни одна сторона не может претендовать на «правильное» понимание прав человека. Таким образом, в череде аргументов ссылка на государственный суверенитет отодвинет в сторону идею о необходимости соблюдения прав человека.

Итак, несмотря на широкое распространение идеи прав человека, принцип уважения государственного суверенитета остается первостепенным. Распространению идеи прав человека по-прежнему препятствует Вестфальская традиция понимания суверенитета. Однако нельзя не отмечать эволюции в восприятии этого понятия. В частности, об этом свидетельствует заявление Кофи Аннана, сделанное им в 1999 году, о том, что «государство сегодня есть механизм, работающих для своего народа, а не наоборот»¹⁸. Эта позиция также отражена и в документах Пагуошской конференции по науке и мировым проблемам, согласно которой «суверенитет никогда не был и не является отражением безграничной власти делать все, что прямо не запрещено международным правом»¹⁹. Такое восприятие государственного суверенитета неизбежно ведет к переосмыслению его сути, формированию нового подхода, согласно которому он служит интересам народа, а не только государства, является не просто инструментом предотвращения международных конфликтов, но и пресечения внутренних нарушений прав человека. Это новое восприятие отражает объективную реальность современного миропорядка, изменяя представление о суверенитете в том виде, в котором сегодня он служит для построения отношений между государствами, сохраняя все еще крепкие традиции Вестфальской системы.

Примечания

1. См.: Леонов А.С. Метаморфозы концепции государственного суверенитета в свете практики гуманитарных интервенций // Сборник научных статей аспирантов и соискателей Нижегородского коммерческого института. Вып. 20. Н. Новгород, 2012. С. 190.
2. Donnelly J. *Universal Human Rights in Theory & Practice*. 2nd ed. New York, 2003. P. 7.
3. См.: Лукашук И.И. *Международное право. Общая часть*. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 2008. С. 308.
4. See: International Commission on Intervention and State Sovereignty, *The Meaning of Sovereignty*. URL: <http://www.iciss.ca/report2-en.asp#sovereignty> (Jan. 22, 2009).

5. *Krasner S.D. Problematic Sovereignty: Contested Rules and Political Responsibilities.* New York, 2001. P. 2.
6. See: *Goldstein, J.S., Pevehouse J.C. International Relations: 2006—2007 Edition, 7th ed.* New York, 2007. P. 288.
7. See: *Krasner S.D. Problematic Sovereignty: Contested Rules and Political Responsibilities.* New York, 2001. P. 2.
8. See: *Osborne A. The EU's Chechnya Challenge // Guardian [UK]. Nov. 7. 2003.*
9. See *ibid.*
10. See: *Goldstein, J.S., Pevehouse J.C. International Relations: 2006—2007 Edition, 7th ed.* New York, 2007. P. 288.
11. См.: *Леонов А.С. Пределы государственного суверенитета в контексте практики Европейского суда по правам человека // Юридическая наука и правоприменение (Саратовские правовые чтения): сборник тезисов докладов Всероссийской научно-практической конференции (г. Саратов, 1—2 июня 2012 г.).* Саратов, 2012. С. 14.
12. See: *Power S. Bystanders to Genocide // The Atlantic.* URL: <http://www.theatlantic.com/doc/200109/power-genocide> (Jan. 20, 2009).
13. См.: *Тункин Г.И. Теория международного права.* М., 1970. С. 94.
14. See: *Mill J.S. On Liberty and Other Essays.* New York, 1998. P. 84.
15. See: *Sens A., Stoett P. Global Politics: Origins, Currents, Directions.* 3rd ed. Toronto, 2005. P. 332—333.
16. See *ibid.*
17. See: *Ignatieff M. The Attack on Human Rights // Foreign Affairs* 80, November-December, 2001. P. 102—103.
18. *Annan K.A. Two concepts of sovereignty // The Economist.* September 18, 1999.
19. *Pellet A. State sovereignty and the protection of fundamental human rights: an international law perspective // Pugwash Online: Conferences on Science and World Affairs.* URL: <http://www.pugwash.org/reports/rc/pellet.htm> (Jan. 19, 2009).

А.В. Микитась

Микитась Аркадий Викторович — заместитель начальника — начальник отдела кадрового обеспечения Харьковского городского управления ГУМВД Украины в Харьковской области, соискатель Харьковского национального университета внутренних дел

E-mail: stanislav2107@mail.ru

Особенности субъектно-объектного состава организационно-штатной работы в органах внутренних дел Украины

Уточняется содержание понятий **субъект** и **объект организационно-штатной работы** в органах внутренних дел Украины. Исследуется система субъектов организационно-штатной работы и предоставляется характеристика их полномочий. Определяется понятие и особенности объекта данной управленческой деятельности. Характеризуются **субъектно-объектные взаимосвязи** в сфере организационно-штатной деятельности.

The meaning of the **subject** and **object** notions of **organizational work** in internal affairs agencies of Ukraine is explained. A system of organizational work's subjects is researched; their authorities' characteristics are provided. The concept and features of this management activity's object are defined. **Subject and object relationships** in the field of organizational activity are characterized.

Исследованием основ управления в органах внутренних дел Украины, в том числе изучением вопросов организационно-штатной работы, занимались такие известные ученые, как С.Н. Алферов, И.В. Аристова, В.Т. Белоус, А.М. Бандурка, В.Н. Бесчастный, А.Т. Комзюк, В.В. Коноплев, Ю.Ф. Кравченко, А.Н. Кулиш, Н.П. Матюхина, А.Н. Музычук, В.И. Олфир, В.П. Петков, В.М. Плишкин, Е.Е. Синявская, А.А. Стародубцев, Т.А. Проценко, Х.П. Ярмаки и др. Однако основательная характеристика субъектно-объектного состава организационно-штатной работы в органах внутренних дел Украины на сегодняшний день не нашла своего отображения в научных работах.

Целью данной статьи является определение содержания и особенностей субъектов и объек-

тов организационно-штатной работы в органах внутренних дел, а также исследование взаимосвязей между ними. Для достижения поставленной цели необходимо: определить понятие субъекта организационно-штатной работы и его особенности; исследовать систему таких субъектов, охарактеризовать их полномочия по организационно-штатной работе в органах внутренних дел Украины; определить понятие и сущность объекта организационно-штатной работы; охарактеризовать субъектно-объектные связи в сфере организационно-штатной работы в органах внутренних дел Украины.

Организационно-штатная работа в органах внутренних дел как разновидность управленческой дея-